

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

*О ПОЛИТИКЕ, КУЛИНАРИИ
И ЛИТЕРАТУРЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *А. Анваера, Г. Злобина*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Оруэлл, Джордж.

О-70 О политике, кулинарии и литературе : [сборник] / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского А. Анваера, Г. Злобина]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-176187-5

Джордж Оруэлл — известен не только как автор романа-антиутопии «1984» и повести «Скотный двор», также он был выдающимся журналистом, критиком и просто разно-сторонней личностью. Публицистика Оруэлла поднимает ряд острейших проблем, связанных с общественно-поли-тической жизнью середины XX века.

В сборник включены эссе на самые разнообразные темы — от политики и войны до кулинарии и литературы, такие как «Уборка хмеля», «Один день из жизни бродяги», «Новые слова», «Свобода Гайд-парка», «Политика голода», «Кто такие военные преступники?», «Пацифизм и война», ранее не публиковавшееся эссе «Британская кухня» и дру-гие, а также литературные рецензии.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод, А. Анваер, 2025
© Перевод, Г. Злобин, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-176187-5

Автобиографические заметки Джорджа Оруэлла

Я родился в 1903 году в Мотихари, в Бенгалии, вторым ребенком в семье английского колониального чиновника. Я учился в Итоне с 1917 по 1921 год, так как мне посчастливилось выиграть стипендию, но я не остался работать в университете, да и научился я там очень немногому, и мне кажется, что на становление моей личности Итон оказал очень слабое влияние.

С 1922 по 1927 год я служил в Индийской имперской полиции в Бирме. Я ушел со службы отчасти из-за климата, который разрушал мое здоровье, отчасти потому, что уже тогда испытывал смутное желание писать книги, но главным образом потому, что не мог больше служить империализму, который я стал рассматривать как масштабный рэкет.

Вернувшись в Европу, я около полутора лет провел в Париже, писал романы и рассказы, которые никто не хотел издавать. После того как у меня кончились деньги, я прожил в настоящей

бедности несколько лет, в течение которых среди прочего работал мойщиком посуды, частным репетитором и учителем в дешевой частной школе. Год или чуть больше года я работал помощником управляющего в книжном магазине на неполную ставку; это была интересная сама по себе работа, но ее недостатком было то, что она заставляла меня жить в Лондоне, к которому я испытываю непреодолимое отвращение. К 1935 году я стал в состоянии жить на деньги, заработанные сочинительством; в конце этого года я переехал в деревню, где открыл маленький универмаг. Он едва окупал себя, но зато я приобрел опыт в торговле, который мог бы мне помочь, если бы я снова обратился к этому поприщу.

Летом 1936 года я женился. В конце года я отправился в Испанию, чтобы принять участие в гражданской войне; позднее ко мне присоединилась жена. Я прослужил четыре месяца на Арагонском фронте в составе милиции ПОУМ, был тяжело ранен, но, к счастью, без серьезных последствий. С тех пор, если не считать зимы, проведенной в Марокко, я не могу честно сказать, что делал что-то, кроме того, что писал книги, разводил кур и выращивал овощи.

То, что я видел в Испании, и то, что я увидел после этого в кулуарах партий левого толка, внушило мне ужас перед политикой. Какое-то время я был членом Независимой лейборист-

ской партии, но покинул ее в начале этой войны, потому что посчитал, что они болтают вздор и предлагают проводить такую политику, которая лишь облегчит жизнь Гитлеру. По своему мироощущению я, конечно, левый, но я верю в то, что писатель может оставаться честным, только если не навешивает на себя никаких партийных ярлыков.

Один день из жизни бродяги

Для начала: кто такой бродяга?

Бродяга — это типичный английский типаж. Вот его отличительные черты: у него нет денег, он одет в лохмотья, в день он проходит около двадцати километров и редко ночует два раза подряд в одном и том же месте.

Короче говоря, он странник, живущий за счет подаяний, он ходит пешком изо дня в день, много лет, пересекая в своих странствиях Англию вдоль и поперек, и так множество раз. У него нет работы, дома или семьи, у него нет в этом мире никакой собственности, если не считать лохмотьев, прикрывающих его убогую плоть; он живет за счет общества.

Какова популяция бродяг? Никто не знает точной численности племени бродяг. Тридцать тысяч? Пятьдесят тысяч? Возможно, в Англии и Уэльсе их около ста тысяч, когда ситуация на рынке труда хуже некуда.

Бродяга путешествует не ради собственного удовольствия или под влиянием кочевого ин-

стинкта, унаследованного от далеких предков; самое главное для него — избежать голодной смерти. Причина вполне объяснима: бродяга стал безработным в результате состояния английской экономики. Стало быть, чтобы выжить, он должен полагаться на общественную или частную благотворительность. Для помощи бродяге власти организовали убежища (рабочие дома), где обездоленные могут получить еду и обрести временную крышу над головой. Эти учреждения находятся на расстоянии около двадцати километров друг от друга. Никто не может останавливаться в таком учреждении чаще одного раза в месяц. Отсюда постоянные скитания бродяг, которые, чтобы есть и спать под крышей, должны каждый день искать новое место для ночлега.

Вот почему бродяги не переводятся как класс.

Теперь давайте посмотрим, какую жизнь они ведут. Достаточно будет понаблюдать за бродягой в течение одного дня, ведь у этих несчастных жителей одной из богатейших стран мира все дни похожи друг на друга как две капли воды. Проследим маршрут одного из них, который вышел из ночлежки около десяти часов утра. До следующего рабочего дома ему предстоит пройти около двадцати километров. На преодоление этого расстояния у него уйдет приблизительно пять часов, так что до места назначения он доберется около трех часов дня. По пути ему

не придется часто отдыхать, потому что полиция, которая подозрительно относится к бродягам, быстренько прогонит его из любого городка или деревни, где ему вздумается остановиться. Так что наш бродяга не станет останавливаться в пути. Как мы уже говорили, около трех часов дня он окажется у следующей ночлежки. Но она откроется не раньше шести вечера. Три утомительных часа придется провести в компании таких же бродяг, ожидающих открытия приюта. С каждой минутой толпа изможденных, небритых, грязных, одетых в лохмотья людей прибывает. Вскоре здесь соберется группа человек в сто — безработных, представляющих почти все профессии. Шахтеры и прядильщики, жертвы безработицы, свирепствующей на севере Англии, составляют большинство, но представлены здесь и другие профессии, независимо от квалификации.

А возраст? От шестнадцати до семидесяти.

Пол? На пятьдесят бродяг мужского пола приходится приблизительно две женщины.

То тут, то там какой-нибудь слабоумный бормочет бессмысленные слова. Некоторые из них до того измучены и немощны, что диву даешься, как они на самом деле смогли пройти двадцать километров. Их одежда отличается гротескностью и ветхостью, она отталкивающе грязная. Глядя на их лица, вспомнишь про диких животных, возможно, и неопасных, но способных превращаться одновременно в необу-

зданных дикарей или робких травоядных — из-за отсутствия отдыха и ухода. Они ждут, лежа на траве или сидя на корточках в пыли. Самые отчаянные из них рыщут вокруг мясных и хлебных лавок в надежде поживиться какими-нибудь объедками. Но это опасно, потому что в Англии нищенство вне закона. Так что по большей части эти люди довольствуются своим статусом бездельников, обмениваясь невнятными фразами на диковинном сленге — на особом языке бродяг, с причудливыми и колоритными словечками и выражениями, каких не найдешь ни в одном словаре.

Они — выходцы из разных концов Англии и Уэльса; делятся друг с другом своими приключениями, а попутно обсуждают — без особой, впрочем, надежды — перспективы найти работу во время странствий. Многие из них уже встречались прежде в каких-то других убежищах, потому что пути их снова и снова пересекаются в их нескончаемых странствиях.

Работные дома представляют собой убогие и грязные караван-сарай, где жалкие английские пилигримы собираются на несколько часов, чтобы затем снова разойтись в разные стороны.

Все бродяги курят. Так как в помещении убежища курение запрещено, они стараются накуриться впрок за время ожидания. Табак они добывают из окурков, подобранных на городских улицах. Из табака они делают самокрутки

или набивают его в старые трубки. Если у бродяги появляются какие-то деньги, которые он умудрился заработать или выпросить по дороге, то первым делом он покупает табак, но чаще всего ему приходится довольствоваться подобранными на тротуарах и мостовых окурками. Ночлежка предлагает ему только кров и стол; обо всем остальном — отдых, одежда, табак и прочее — он должен позаботиться сам.

Но постепенно приближается время открытия ворот. Бродяги встают и выстраиваются в очередь вдоль стены огромного здания — уродливого куба из желтого кирпича, возведенного в дальнем пригороде. Это здание вполне можно спутать с тюрьмой.

Проходит еще несколько минут, тяжелые ворота распахиваются — и стадо человеческих существ вваливается внутрь. Когда вы оказываетесь во дворе этого учреждения, его сходство с тюрьмой становится еще более разительным. В середине пустого двора, окруженного высокими кирпичными стенами, находится главное здание, поделенное на камеры с голыми стенами, где есть баня, административные офисы и крошечная комната, все убранство которой состоит из дощатых скамей. Это помещение служит столовой. Уродство и зловещая атмосфера этого заведения превосходят самые изощренные мрачные фантазии. На всем ощущается печать тюремной атмосферы. Чиновники, облаченные в униформу, оскорбляют и расталкивают бро-

дяд, не уставая напоминать им, что, приходя в работный дом, они отказываются от всех своих прав и от личной свободы.

Имена и профессии бродяг регистрируются в журнале. Потом их заставляют принять ванну и далее у них отбирают одежду и личные вещи. Взамен им выдают грубые хлопчатобумажные рубашки, в которых они будут спать ночью.

Если у кого-нибудь из них при себе оказываются деньги, то их конфискуют, а если они признаются, что у них больше двух франков (четырёх пенсов), то их не пустят в убежище и им придется искать ночлег в другом месте. В результате тем из бродяг — правда, таких немного, — у кого оказывается при себе больше двух франков, приходится прятать деньги в обуви, причем делать это надо незаметно, потому что такой поступок будет расцениваться как мошенничество и наказываться тюремным заключением.

После бани бродяга, у которого уже изъяли одежду, получает свой ужин: полфунта хлеба с кусочком маргарина и пол-литра чая. Хлеб, который пекут специально для бродяг, ужасен. Он серый, всегда черствый и по вкусу почти несъедобен, так что складывается впечатление, что мука, из которой его пекут, намолота из испорченного зерна. Даже чай плох настолько, насколько это вообще можно себе представить, но бродяга рад и такому напитку, потому что он согревает и снимает усталость

после дневных тягот. Неаппетитную еду бродяги проглатывают за пять минут. После этого их загоняют в камеры, где им предстоит провести ночь. Эти камеры — и в самом деле тюремные камеры — с кирпичными или каменными стенами размером двенадцать на шесть футов. Искусственного освещения в них нет, единственный источник света — узкое, закованное в решетку окно, расположенное высоко в стене, и дверной глазок, через который надзиратели следят за поведением бродяг. Иногда в камере есть топчан, но, как правило, бродяге приходится спать на полу. Вместо постельного белья в его распоряжении — три тонких одеяла. Часто в камере нет и подушки, и поэтому несчастным узникам позволяют брать с собой верхнюю одежду, чтобы ее свернуть и положить под голову. Обычно в камере стоит ужасающий холод, а изношенные одеяла настолько тонки, что нисколько не согревают скорчившихся под ними людей.

Как только бродяга заходит в камеру, дверь за ним запирают снаружи. Дверь останется закрытой до семи часов утра следующего дня.

Обычно в каждой камере находятся по двое бродяг. Запертые в эту маленькую тюрьму на двенадцать часов, не имея возможности противостоять холоду — одетые в бумажные рубашки и укрытые тремя просвечивающими одеялами, — эти бедолаги жестоко страдают от холода и отсутствия самых элементарных удобств.

Камеры почти всегда кишат насекомыми, и бродяга, которого донимают бесчисленные паразиты и у которого от усталости отваливаются конечности, ворочается на полу в тщетной надежде заснуть. Ему удается подремать несколько минут, но потом дискомфорт дает о себе знать — на твердом полу не очень-то и удобно. Так что он все время ворочается и спит плохо.

Старые закаленные бродяги, ведущие такую жизнь пятнадцать или двадцать лет и ставшие в результате стоическими философами, проводят ночи за беседами. Отдохнут они завтра, поспав пару-тройку часов в поле, в тени живой изгороди, в обстановке куда более гостеприимной, нежели в ночлежке. Но молодые бродяги, не закаленные опытом рутины, стонут и вздыхают в темноте, нетерпеливо ожидая утра и освобождения.

Но тем не менее, едва только наконец в тюрьме забрезжит утренний свет, бродяг снова охватывают тоска и отчаяние в предчувствии следующего дня, который будет точно таким же, как предыдущий.

Камеры наконец отпирают. Наступает время визита врача — и действительно, бродяг не отпустят до выполнения этой формальности. Врач, как правило, опаздывает, и полуголым бродягам приходится ждать его, выстроившись в коридоре. Здесь можно получить представление об их физическом состоянии.

Какие тела, какие лица!

У некоторых из них врожденные дефекты. Некоторые страдают грыжами и носят бандаж. Почти у всех изуродованы стопы, покрытые язвами в результате длительной непрерывной ходьбы. Старики похожи на скелеты, обтянутые кожей. У всех вялая мускулатура и жалкий вид людей, годами лишенных полноценного питания. Истощение, преждевременные морщины, небритые бороды — нехватка сна и еды отразилась на их внешности.

Наконец-то появляется врач. Он стремительно и поверхностно осматривает их. В конце концов, цель этого осмотра — лишь выяснить, нет ли у кого-то из бродяг симптомов оспы.

Врач быстро, по очереди, осматривает бродяг — сверху вниз, спереди и сзади. При этом большинство из них страдают теми или иными болезнями. Некоторые почти совершенно слабоумны и едва ли способны сами о себе позаботиться. Тем не менее их тоже отпустят, если у них нет устрашающих отметин оспы. Начальство совершенно не волнует состояние их здоровья — главное, чтобы у них не было инфекционных болезней...

После врачебного осмотра бродяги снова одеваются. Теперь в холодном и ярком свете дня можно хорошенько рассмотреть, что за одежду носят эти бедолаги — в качестве защиты от капризного английского климата. Эти разношерстные предметы одежды, по большей части выпрошенные у жертвователей, едва ли

годятся даже для мусорного бака. Уродливая, неподходящая по размеру, слишком длинная, слишком короткая, слишком просторная или, наоборот, слишком тесная одежда — в другой ситуации это было бы смешно. Здесь же эта одежда не может вызвать никаких чувств, кроме безмерной жалости. Вся одежда пестрит разноцветными заплатками. Вместо оторванных пуговиц приспособлены веревки и шнурки. Нижнее белье представляет собой рваные лохмотья; дырки маскируются грязью.

У некоторых и вовсе нет нижнего белья. У многих нет даже носков. Обернув пальцы тряпьем, они суют голые ступни в ботинки, задубевшая кожа которых утратила всякую эластичность. Каким именно образом одеваются бродяги, как они натягивают на себя одежду и обувь — эта сцена способна вызвать холодный ужас.

Одевшись, бродяги получают завтрак — то же самое, чем их кормили на ужин предыдущим вечером.

Потом их, как солдат, выстраивают во дворе, где надзиратели распределяют их по разным бригадам. Некоторым поручают мыть полы, другие рубят дрова, колют уголь и выполняют другие работы до десяти часов утра.

После этого раздается сигнал — пора покинуть работный дом.

Они получают назад все конфискованные накануне вещи. К этому прибавляют фунт хлеба и кусок сыра на обед, а иногда, хотя и редко,